

| Г | А | Р | Ф |

ЕЖЕГОДНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2023

| публикации | исследования | рецензии |

МОСКВА

2023

УДК 930.25(058) + 94(47)(093)

ББК 79.3я53 + 63.3(2)ю1

Г 72

Главный редактор С. В. Мироненко
Ответственный редактор М. А. Колеров
Ответственный составитель Е. В. Балущкина

Г 72 Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии / Гл. ред. С. В. Мироненко. М., 2023. 600 с.
ISBN 978-5-905040-93-1

Государственный архив Российской Федерации за последние более чем 30 лет своей непрерывной деятельности в его современном качестве ранее уже предпринимал издание исследовательских трудов своих сотрудников. Настоящий Ежегодник ГА РФ за 2023 год — новый опыт, пример ежегодного научного издания архива, который призван объединить труды его сотрудников, исследователей его фондов, групп источников, тематических комплексов, исторических эпох, исторических личностей, историографии и источниковедения. В центре внимания редакции Ежегодника — привлечение новых исследователей из-за рубежа, дополнение материалов ГА РФ исторически и тематически связанными с ними материалами других российских и иностранных архивохранилищ.

А. В. Ганин

«ЛЮДЕЙ АРЕСТОВЫВАЛИ КАЖДУЮ НОЧЬ...»

Воспоминания вдовы комдива А. М. Вольпе
о Большом терроре против высшего состава РККА
и о лагерной жизни

В Российском государственном военном архиве в коллекции «Участники вооруженной защиты советского государства (1917–1945 гг.)» сохранились ценные воспоминания вдовы комдива Абрама (Марка) Мироновича Вольпе (10.02.1895–14.07.1937) Галины Ивановны Вольпе. Воспоминания были переданы в архив ее дочерью Г. А. Лойчиковой (Вольпе). Они посвящены Большому террору против высшего командного состава РККА, истории ареста супруга мемуаристки и ее самой, а также лагерной жизни.

А. М. Вольпе являлся представителем поколения советской военной элиты, сформировавшегося в результате Гражданской войны. Он родился в Вильно, в еврейской семье. В 1912–1914 гг. в качестве вольнослушателя обучался в Лейпцигском институте психологии. В годы Первой мировой войны был призван в армию. Стал унтер-офицером, командовал взводом и был награжден двумя Георгиевскими крестами. Когда в 1917 г. иудеям позволили получать офицерские чины, Вольпе окончил Одесскую школу прапорщиков. В марте 1917 г. он вступил в РСДРП (б). Избирался заместителем председателя Николаевского совета депутатов и председателем Херсонского губисполкома. В марте–июне 1918 г. Вольпе служил комендантом эвакуации Северо-Донецкой и Екатерининской железных дорог, а затем находился на подпольной работе в Луганске.

Будучи большевиком, Вольпе в июне 1918 г. вступил в РККА. В августе–сентябре 1918 г. был военным комиссаром Новоузенской пе-

хотной дивизии, затем занимал пост управляющего делами РВС 4-й армии, помощника коменданта и коменданта Саратовского укрепрайона, а в ноябре 1918 г. был зачислен в первый набор слушателей открывавшейся в Москве Академии Генштаба РККА.

Как слушатель Академии Генштаба РККА, Вольпе командировался в 1919 г. на Восточный фронт, попав во 2-ю бригаду 27-й (позднее 35-й) стрелковой дивизии на должность начальника штаба. Интересна оценка Вольпе врагом — командиром бригады, белым подпольщиком, а затем перебежчиком к белым полковником В. В. Котоминым. Последний отмечал, что в апреле 1919 г. «распоряжением штаба фронта н[ачальни]ком штаба бригады был назначен еврей-коммунист Вольпе, окончивший красную академию Генерального штаба, очень умный молодой человек 24 лет, окончивший в Лозанне или Цюрихе невропатологический институт¹ ... Красный генштабист Вольпе был для меня элементом сверх нежелательным, и я принимал все усилия к тому, чтобы от него избавиться. Развитый, умный, работоспособный, нахально-вызывающий, как вообще все евреи, он, в конце концов, обострил со всеми отношения, и, к величайшей моей радости, избавился от него в первых числах июня»². Котомин отмечает, что умный Вольпе сразу заподозрил саботаж в штабе. Чтобы устранить Вольпе из штаба, белые подпольщики спровоцировали конфликт, когда один из них, бывший подпоручик К. М. Костюрин, ударил Вольпе при свидетелях по лицу. После этого красному генштабисту пришлось уйти из штаба. Подпольная ячейка белых продолжила свою работу, а впоследствии перешла к противнику³.

В 1919–1920 гг. Вольпе служил в штабе 26-й стрелковой дивизии на Восточном фронте, в том числе временно исполняющим должность начальника штаба. Дивизией командовал Г. Х. Эйхе. В период ликвидации белых в Сибири он познакомился со своей будущей супругой. В дальнейшем командовал полком, был начальником штаба и начдивом 35-й стрелковой дивизии.

¹ В. В. Котомин неточен. А. М. Вольпе в 1912–1914 гг. в качестве вольнослушателя обучался в Лейпцигском институте психологии.

² РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 72. Л. 238 об.

³ Подробнее об истории белой подпольной организации в бригаде см.: Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2018. С. 229–270.

В Академии Генштаба РККА Вольпе выступал рьяным борцом за коммунистический состав⁴. Академию он окончил в 1922 г. Около года стажировался в войсках, командуя ротой. В ноябре 1923 г. стал адъютантом Военной академии РККА. С августа 1928 г. — старший руководитель Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. В 1930-е гг. командовал 48-й стрелковой дивизией, затем с мая 1933 г. был начальником штаба Московского военного округа, а с марта 1935 г. — начальником административно-мобилизационного управления РККА⁵. В 1935 г. А. М. Вольпе получил звание комдива.

В ночь с 30 на 31 мая 1937 г. в возрасте 43 лет комдив Вольпе был арестован. На судебном заседании он нашел силы и смелость отказаться от данных ранее под давлением признательных показаний⁶. Уже 14 июля того же года Военной коллегией Верховного суда СССР Вольпе был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Прах захоронен в могиле невоинно погибших прахов № 1 на Донском кладбище⁷. Реабилитирован А. М. Вольпе той же Военной коллегией Верховного суда СССР 2 июня 1956 г.

Вольпе был известен как эрудированный, высокообразованный человек, крупный специалист в области стратегии, автор капитального труда «Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны» (М., 1931). В своей работе он изучал опыт Первой мировой войны и показал характер различных форм фронтальных ударов для преодоления позиционного тупика мировой войны. Это исследование изучали даже генштабисты-эмигранты. В частности, генерал В. Е. Борисов, сподвижник генерала М. В. Алексеева в Первую мировую войну, проживая в Белграде, давал эту книгу своему однокашнику по академии генералу В. Е. Флугу⁸. По свидетельству дочери Вольпе, при аресте отца пропала рукопись его книги «Фланговый удар»⁹ о маневренных действиях Первой миро-

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 47 об.

⁵ Подробнее см.: *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941 : биографический словарь. М., 2012. С. 201–203.

⁶ *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 269.

⁷ Расстрельные списки. Москва, 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий). Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2005. С. 98.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 32 об.

⁹ РГВА. Ф. 40874. Оп. 21. Д. 5. Л. 2.

вой войны, которая так и не была издана. Если бы Вольпе не был уничтожен вследствие государственного произвола, он мог бы подготовить еще немало значимых военно-научных работ. Авторству Вольпе также принадлежит очерк Петропавловской операции РККА 1919 г.¹⁰ Кроме того, он выступил редактором книги дивизионного комиссара М. Р. Галактионова «Темпы операций» (М., 1936).

Вдова А. М. Вольпе, Г. И. Вольпе (в девичестве — Федулова) (1902–1975), перенесла тяжелейшие испытания, выпадавшие на долю членов семей высокопоставленных советских военных деятелей, попавших под каток репрессий¹¹. Она была родной сестрой Е. И. Федуловой, вышедшей замуж за другого видного военного ученого Красной армии Г. С. Иссерсона, также арестованного в 1941–1955 гг., но сохранившего жизнь. Как супруга «врага народа» Г. И. Вольпе была арестована 16 июля 1937 г., после расстрела мужа, сидела в Бутырской тюрьме. Была приговорена к восьми годам лагерей и попала в Темниковский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ). Этот лагерь на начало 1938 г. насчитывал 17921 заключенного. Специализировался на лесозаготовках, производстве ширпотреба, строительных работах, сельхозпроизводстве. Процент женщин среди заключенных был достаточно высоким.

Свои воспоминания Г. И. Вольпе начала писать сразу по освобождению, в 1944 г. (освободилась за ударный труд и отличное поведение на год раньше), когда была выслана для проживания в город Александров. Из лагеря вдова Вольпе вышла инвалидом. В 1947 г. переехала к выросшей без нее дочери в Ленинград, а в 1956 г. после реабилитации получила комнату в Москве. Несмотря на трудности, оставить свидетельство о судьбах невинно пострадавших и погибших друзей и близких она считала своим долгом. Воспоминания посвящены жизни советской военной элиты в разгар Большого террора и проливают свет на трагедию семей советских военных деятелей. В них подробно описывается арест А. М. Вольпе, а затем и его супруги, аресты многих ответственных советских работников и членов их семей, общая тягостная атмосфера того времени, пребывание мемуаристки в Бутырской тюрьме и в Темниковском лагере.

¹⁰ Вольпе А. М. Петропавловская операция // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1922. Кн. 3. С. 77–107.

¹¹ Подробнее об этом см.: Черушев Н. С. «Сын за отца не отвечает ...»: Трагедия семей элиты Красной армии: 1937–1956. М., 2010.

Воспоминания публикуются по авторизованному машинописному тексту с незначительной правкой. Они заверены дочерью Вольпе Г. А. Лойчиковой, проживавшей в Ленинграде. По имеющимся сведениям, экземпляр воспоминаний также хранится в Алтайском государственном краеведческом музее в Барнауле. Г. И. Вольпе при написании воспоминаний допустила ряд неточностей в именах различных лиц, их должностях, последовательности событий. По мере возможности такие неточности выявлялись публикатором и комментировались.

Воспоминания публикуются по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Все даты отечественной истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Г. И. Вольпе

История одной «жены»

Эти воспоминания написаны моей мамой, Вольпе (Федуловой) Галиной Ивановной. Она начала писать их сразу после освобождения, в 1944 г., в г. Александрове, куда была выслана на жительство. Мама считала это своим долгом перед всеми погибшими друзьями и товарищами.

Моя мама — сибирячка, она родилась в 1902 г. в г. Барнауле, в семье богатого купца, Федулова Ивана Ивановича¹². Сестры Федуловы, Галина и Екатерина, получили хорошее, по тем временам, воспитание и образование. Они окончили гимназию, хорошо играли на рояле, знали немецкий язык.

В 1919 г., когда 5-я армия (командарм т. Тухачевский¹³), вошла в Барнаул, мама познакомилась с моим папой. Абрам — Марк Миронович Вольпе был начальником штаба легендарной 26-й дивизии (комдив — Эйхе¹⁴). Мама шутила, что на всю жизнь была заморожена его красными галифе.

¹² Купец Иван Иванович Федулов (1874–1922) был мукомолом. В Барнауле существовал торговый дом «И. И. Федулов с сыновьями». Вдова И. И. Федулова, мать Г. И. Вольпе, умерла в 1963 г.

¹³ Михаил Николаевич Тухачевский (04.02.1893–12.06.1937) — советский военный деятель, командующий 5-й армией. Расстрелян по ложному обвинению.

¹⁴ Генрих Христофорович Эйхе (17.09.1893–25.07.1968) — советский военный деятель, командующий 26-й стрелковой дивизией. Репрессирован по ложному обвинению.

Вторая сестра, Екатерина Ивановна, тоже вышла замуж за краскома¹⁵, известного впоследствии военного теоретика Г. С. Иссерсона¹⁶. Он тоже был арестован, но в 1941 г. Екатерине Ивановне пришлось впоследствии содержать всю семью: бабушку, меня, свою дочь Ирену и двух заключенных: мужа и мою маму.

После замужества для мамы началась кочевая жизнь. В 1922 г. в г. Ростове-на-Дону родилась я, меня назвали тоже Галиной.

Папа был среди первых слушателей, первых адъюнктов и первых преподавателей-коммунистов Военной академии им. Фрунзе. Долгое время, до самой его смерти, папа работал «для особых поручений» у М. В. Фрунзе¹⁷ и в 1928 г. написал о нем первую книгу¹⁸. Он был военным писателем и бессменным начальником военной секции Ком[мунистической] академии. Последняя должность — начальник административно-мобилизационного управления РККА. Арестован в ночь с 30 на 31 мая 1937 г., посмертно реабилитирован 2 июня 1956 г. Восстановлен в партии (с февраля 1917 г.¹⁹) и в звании — генерал-майор. Мама как «жена» была арестована 16 июля 1937 г. и приговорена к 8 годам заключения в спецлагерях, т. е. без права переписки. Освобождена она была на год раньше, как сказано в справке об освобождении, «за высокие производственные показатели и отличное поведение в быту». К этому следует добавить, что она к этому времени стала инвалидом, отказала одна почка.

После освобождения мама была направлена на жительство в г. Александров²⁰.

После получения паспорта мама переехала жить ко мне, в Ленинград, и помогла мне окончить университет.

В 1956 г., после реабилитации, она получила пенсию и комнату в Москве. Правда, для этого ей пришлось через суд, при помощи свидетелей, доказывать, что она действительно была женой моего папы.

¹⁵ Краском — красный командир.

¹⁶ Георгий Самойлович Иссерсон (16.06.1898–27.04.1976) — советский военный теоретик, полковник. Репрессирован по ложному обвинению.

¹⁷ Михаил Васильевич Фрунзе (21.01.1885–31.10.1925) — партийный и государственный деятель, народный комиссар по военным и морским делам СССР.

¹⁸ Речь идет о брошюре А. М. Вольпе «Оборона страны и М. В. Фрунзе» (М.; Л., 1928).

¹⁹ По имеющимся данным А. М. Вольпе вступил в РСДРП (б) в марте 1917 г.

²⁰ Далее зачеркнуто: «и паспорт получила только в 1947 г., то есть через три года».

В 1965 г., в связи с ухудшением состояния здоровья, мама вынуждена была обратиться за помощью к К. Е. Ворошилову²¹, но, несмотря на его личное ходатайство, в мед [ицинской] помощи в военных лечебных учреждениях ей было отказано.

По характеру моя мама была человеком очень прочным, верным и жизнерадостным. Она до самой смерти (1975) притягивала к себе людей.

Ее записки написаны в виде отрывков, так что пришлось убрать некоторые повторения, в остальном — все оставлено без изменений.

Подлинник этих воспоминаний будет сдан на хранение в Гос[ударственный] архив Советской армии²² по их просьбе.

Г. А. Лойчикова (Вольпе)²³

Перед арестом

Осенью 1936 года мы переехали с улицы Горького (угол Васильевского) на новую квартиру, в только что выстроенный дом на Лубянском проезде (ныне — проезд Серова) против ЦК партии. Это был дом военного ведомства для старшего и высшего комсостава РККА²⁴. Вокруг нас оказались все знакомые или друзья-приятели.

Ранней весной на Военный совет в Москву приехал Иван Кенсаринович Грязнов²⁵, командовавший Забайкальским военным округом.

²¹ Климент Ефремович Ворошилов (23.01.1881–02.12.1969) — военный и государственный деятель, Маршал Советского Союза.

²² Ныне Российский государственный военный архив.

²³ Далее от руки дописан ленинградский адрес и телефон Г. А. Лойчиковой (Вольпе), который не публикуется.

²⁴ Адрес Вольпе перед арестом: Лубянский проезд, 17, кв. 15. Дом построен в 1934–1937 гг. для высшего комсостава РККА на месте снесенного в 1931 г. храма Спаса Преображения на Глиннищах. В этом доме находился жилищкооператив «Военный строитель». Здание также известно как «дом летчиков». Целый ряд советских военных деятелей, проживавших в этом доме, были репрессированы. Среди наиболее известных — маршал А. И. Егоров. В 2022 г. на доме дважды устанавливалась и дважды похищалась вандалами табличка «Последний адрес» в память проживавшего здесь расстрелянного в 1938 г. комдива А. М. Перемытова.

²⁵ Илья Кенсаринович Грязнов — герой Гражданской войны, командовавший легендарной 30-й дивизией 5-й армии на Восточном фронте. Он был арестован в 1938 г. на вокзале в Москве, куда он был вызван из Ташкента, где командовал Среднеазиатским военным округом. В ходе следствия его привезли в Читу, где он раньше был командующим. Мы узнали об этом позже от Пелагеи Григорьевны, бывшей домработницы, а, вернее, члена семьи Грязновых. Как-то к ней прибежал один сотрудник НКВД, бывший работник штаба округа, и сказал, что Ивана Кенсариновича привезли всего избитого и голодного и что конвоирует его знакомый. Пелагеюшка с пла-

Его жена была моей близкой подругой, а дочь очень дружила с их сыном, Вадиком. Жили они постоянно в г. Чите и в Москве бывали наездами. Иван Кенсаринович приехал со своим замполитом тов. Шестаковым. Мы звали Ивана Кенсариновича — Пухтер (так прозвал его сын), а он звал меня — Маршал. Он привез мне в подарок букет прутьев багульника (я ведь сибирячка), поставленные в горячую воду, они на завтра превратились в розовый букет цветов с нежным запахом.

Назавтра Грязнов с Шестаковым приехали к нам обедать. Иван Кенсаринович рассказал о том, как они ехали с востока. Проехали они через три военных округа, и везде их встречали коменданты штабов: командующие, все члены РВС и начальники штабов — все были арестованы. «Объясни нам, Марк, что все это значит и как это можно понять?» Муж сказал им, что сам ничего не понимает и объяснить ничего не в состоянии. Может быть, на заседании Военного совета что-нибудь прояснится.

Мы уже знали, что в нашем доме арестованы начальник Штаба РККА товарищ Егоров²⁶ с женой. И после ухода гостей я опять спросила мужа, как же он, все-таки, объясняет себе все происходящее? Он ответил, что пока ни понять, ни объяснить ничего не может. Единственное, что он смог заметить, это то, что среди высшего состава армии ведутся какие-то разговоры против Ворошилова, вернее, против его руководства. Он рассказал, что один из наших ближайших друзей, Борис Фельдман²⁷, как-то выйдя с доклада от Климента Ефремо-

---

чем срочно собрала, что могла: поесть, махорки, шерстяные носки. В 30-е годы служил в Забайкальском округе и ходил в «любимчиках» у Грязнова К. Рокоссовский. Он тоже сидел, но был выпущен во время войны. Он рассказал Д. А. Грязновой, жене Ивана Кенсариновича, что тот имел с ним очную ставку и что выглядел тот ужасно. У него была переломана рука и выбит глаз. Он сказал только: «Я никогда не предавал своих командиров и никогда не предам». И его сразу же увели. Д. А. Грязнова поддерживала связь с Рокоссовским до самой смерти (Прим. Г. А. Лойчиковой (Вольпе)). Иван Кенсаринович (Кенсаринович) Грязнов (11.01.1897–29.07.1938) — советский военный деятель, комкор. Расстрелян по ложному обвинению.

²⁶ Александр Ильич Егоров (13.10.1883–23.02.1939) — советский военный деятель, Маршал Советского Союза. Расстрелян по ложному обвинению. А. И. Егоров действительно жил в том же доме, что и Вольпе, однако Г. И. Вольпе путает последовательность событий, т. к. Егорова арестовали 27.03.1938, значительно позднее ареста и расстрела А. М. Вольпе и ареста его супруги.

²⁷ Борис Миронович Фельдман (01.1890–12.06.1937) — советский военный деятель, комкор. Расстрелян по ложному обвинению.

вича²⁸, жаловался ему, что работать в штабе он больше не может. Он сказал, что Ворошилов третирует его, не дает никому спокойно работать, что у него нет больше сил работать в таком напряжении.

Вскоре арестовали Фельдмана, который был начальником командного управления РККА, и Ефимова²⁹ (заместителя т. Тухачевского).

Через некоторое время муж рассказал мне о том, что у него в управлении — он был начальником административно-мобилизационного управления РККА — сменился секретарь парторганизации. Новый секретарь очень ему не понравился. Как-то он спросил мужа: «А что, Вольпе, как ты относишься к тому, что взяли твоих дружков, Фельдмана и Егорова?» Муж ему ответил, что знает этих товарищей еще с Гражданской войны и уверен в них, как в себе. Их арест — ошибка, разберутся — выпустят. Он совершенно в этом уверен.

У меня внутри все похолодело, я понимала, что муж иначе ответить не мог, но какое страшное настало время, каким осторожным надо быть. И почему был задан такой вопрос? Мы без конца говорили о происходящем. Успокаивая меня, муж говорил только одно: «Ведь меня же не берут, значит, есть все-таки в этих арестах что-то такое, чего я не знаю».

Недавно приехали из Парижа наши друзья, Венцовы. Семен Венцов³⁰ четыре года был во Франции военным атташе. С Раей, его женой³¹, мы дружили еще со времени совместной учебы наших мужей в академии имени Фрунзе. После возвращения из Франции, Семен был назначен на стажировку командиром дивизии в Белую Церковь, на Украину. На днях они были у нас, и Рая очень интересно рассказывала о Франции, о Париже.

Сегодня она вдруг позвонила мне по телефону и сказала, что ей срочно нужно меня повидать. Предварительно она спросила меня, здоров ли Марк, все ли у нас в порядке.

Вскоре она пришла (жили они недалеко от нас) и рассказала следующее: сегодня они прочли во французской газете о том, что на-

²⁸ Ворошилова.

²⁹ Николай Алексеевич Ефимов (06.05.1897–14.08.1937) — советский военный деятель, комкор. Расстрелян по ложному обвинению.

³⁰ Семен Иванович Венцов-Кранц (01.01.1897–08.09.1937) — советский военный деятель, комдив. Расстрелян по ложному обвинению. Был военным атташе во Франции в 1933–1936 гг.

³¹ Раиса Евсеевна Венцова (1901–16.10.1937) — супруга С. И. Венцова-Кранца. Расстреляна по ложному обвинению.

чальник АМУ³² РККА Вольпе через Францию проследовал в Испанию. Это сообщение их очень взволновало, так как в случае, если фамилия советского ответственного работника, под любым предлогом, появлялась во французской печати, то в скором времени его арестовывали. Предпоследняя фамилия была Ефимов, и он уже взят.

Я старалась держаться, но поняла, что пришло время готовиться к худшему. Прежде всего, я «подготовила», то есть перепугала, брата мужа Исаака и свою сестру, Катю, объявив им, без объяснения причин, о своей уверенности в том, что Марка вскоре возьмут (после ареста они были уверены, что я что-то знаю, но скрываю от них).

Я ждала, стараясь не подавать вида мужу и дочке, но жить становилось все страшнее.

В квартире нашей было два балкона, один выходил на улицу, а второй — во двор.

Ночью я иногда выходила на дворовый балкон и с ужасом всматривалась в темноту. Двор был полон машин НКВД. Людей арестовывали каждую ночь. Кто мог идти — шел, кто не мог — того волокли, иногда полураздетого. Дом был полон страшных слухов, а ведь в нем жили люди, которые делали революцию, создавали Красную армию и руководили ею.

Все объяснения мужа на меня не очень-то действовали, я видела, что и он страшно нервничает. Все стали бояться друг друга. Жизнь стала замкнутой, но она шла.

И вот наступила страшная ночь на 1 июня 1937 года³³.

Вечером муж ушел на гастроли узбекского театра, в Большой театр. Мы с Галочкой, нашей дочкой четырнадцати лет, уже были на премьере этой постановки, и он пошел один. Пришел он около 12, и мы улеглись спать, так как дочка завтра сдавала экзамен по русскому письменному за седьмой класс.

Ночью я проснулась от яркого света фонарей, который бил в глаза. Вокруг кровати стояли пять человек, двое в штатском и трое в пограничной форме. Муж был вытаснен из постели. Двое, не отпуская, дер-

³² Административно-мобилизационного управления

³³ Мама ошиблась, вероятно, потому, что в мае 31 день. Папа был арестован в ночь с 30 на 31 мая (примеч. Г. А. Лойчиковой (Вольпе)).

жали его за руки. Его быстро одели, предварительно обыскав одежду, и повели к двери. Я закричала. Ему разрешили вернуться и поцеловать меня. Он сказал: «Гала, ты прожила со мной восемнадцать лет и была мне другом. Не волнуйся, это недоразумение. Жди. Я вернусь». Его увели.

Начался обыск. Я попросила старшего группы, чтобы детскую обыскивали последнюю. Он сказал, что будут обыскивать ее после библиотеки. До семи часов утра просматривали книги и бросали их на пол. Я сидела на диване. Слезы лились непрерывно. Мне казалось, что стук падающих книг несется и с потолка, и со всех сторон.

Но самое страшное наступило тогда, когда мне пришлось разбудить дочку и сказать ей все.

Обыскали комнату и ушли.

Мы с Галей вышли на внешний балкон. Город проснулся. Как всегда, шли трамваи, люди, но все это было уже не наше, на все это мы уже, как будто, не имели права. Мы стали отверженными.

Галя принесла газеты. Я машинально развернула их и, о ужас, прочла сообщение о «военном процессе»³⁴, о людях, которых уважала, с которыми дружила и которым верила. Знала хорошо я, конечно, всех, но некоторые были старинными друзьями нашей семьи.

Часов в девять зашла Мура Ошлей. Муж ее был начальником снабжения РККА³⁵. Они жили над нами. «Галя, не приходи к нам и не звони, — сказала она, — сегодня ночью Петю арестовали». Я сказала, что только что хотела ей позвонить и предостеречь о том же.

В это время позвонила приехавшая из Сочи Клава Ковалева (ее муж принял у моего мужа 48-ю Калининскую дивизию³⁶. Сейчас он был в Испании (по возвращении был арестован). Я попросила Клабочку

³⁴ Речь идет о процессе по сфабрикованному делу «антисоветской троцкистской военной организации», в рамках которого после закрытого судебного заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР 11.06.1937 все обвиняемые (М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, А. И. Корк, В. М. Примаков, В. К. Пугна, Б. М. Фельдман, Р. П. Эйдеман) были расстреляны.

³⁵ Петр Матвеевич Ошлей (01.1886–01.11.1937) — советский военный деятель, коринтендант, помощник командующего войсками Московского военного округа по материальному обеспечению. Расстрелян по ложному обвинению.

³⁶ Давид Михайлович Ковалев (11.1898–20.06.1938) — советский военный деятель, комбриг. Командир и военный комиссар 48-й стрелковой дивизии им. М. И. Калинина. Военный советник испанской республиканской армии (1936–1937). Расстрелян по ложному обвинению.

забыть пока о нашей дружбе и остановиться у Федько³⁷, с которыми она тоже дружила.

Мура рассказала, что Петю арестовали на даче, так что она пережила два обыска.

Больше мы с ней не расставались, вплоть до самого ареста. Вдвоем было как-то легче переносить наше страшное горе. Эту ночь Мура даже осталась у нас ночевать. Кровать была очень широкая. Она легла к стенке, я — в середине, и с краю — Галочка. И только так, как будто под защитой ребенка, мы забылись, заснули.

В камере

Был июль месяц 1937 года. Погода была очень жаркая и душная. Общая камера № 4 Бутырской тюрьмы расположена была окнами на солнце. Окна эти, закрытые железными щитами, так накалялись за день, что в камере всегда было невыносимо душно. Правда, щиты эти пока еще не закрывали окон сверху и снизу (это было сделано позже), но в камере, обычно вмещавшей двадцать человек, теперь помещалось сто, и в ней никогда не бывало прохладно. Весь пол в камере был закрыт щитами, и только в углу, около двери, был от них свободен. Там стояла параша и стол, на котором раздавали пищу (хлеб, обед и чай). Позже мы узнали, что были еще в лучшем положении, чем «жены», взятые позже, которым в этих же камерах приходилось жить в два этажа: одни спали на нарах, а другие под нарами, на кафельном полу, посменно. Мы были «первым набором жен» и «взятые» были 16 июля 1937 г.

---

³⁷ Иван Федорович Федько перед арестом командовал Дальневосточной группой войск. Всегда и для всех он был образцом честности, чистоты, храбрости и благородства. Герой Гражданской войны, он был единственный награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Арестован он был в 1938 г., после всех своих друзей. Говорят, что К. Е. Ворошилову было дано свидание с ним в тюрьме. Надо себе представить, что было сделано и обещано бедному Ивану, если он во время этого свидания, упорно утверждал, что он английский шпион и что все показания его получены без принуждения, это рассказала моей маме Вера Ивановна Хмельницкая, жена бессменного секретаря Ворошилова в течение долгого времени Р. П. Хмельницкого. Она была арестована в 1947 году за дружбу с семьей Аллилуевых (*Прим. Г. А. Лойчиковой (Вальпе)*). Рафаил Павлович Хмельницкий (27.09.1898–09.01.1964) — советский военный деятель, генерал-лейтенант. Многолетний адъютант и порученец К. Е. Ворошилова; Иван Федорович Федько (24.06.1897–26.02.1939) — советский военный деятель, командарм 1-го ранга. Расстрелян по ложному обвинению.

Взяты мы были без вещей и почти без денег. «Брали» нас якобы на допрос к следователю о наших мужьях, арестованных недавно.

В тюрьме я встретила своих подруг и просто приятельниц: Нину Петину (муж — нач[альник] Военно-инж[енерного] упр[авления] РККА³⁸), Муру Ефимову (муж — заместитель т. Тухачевского), Наташу Фишман (муж — нач[альник] хим[ического] упр[авления] РККА³⁹), Женю Геккер (муж — нач[альник] упр[авления] внешних сношений⁴⁰), Нину Смолину (муж — нач[альник] Академии связи⁴¹), Женю Ольшанскую (муж — зам[еститель] нач[альника] Академии бронетанковых сил⁴²) и многих других.

В камере мы держались группами: военных, водников, железнодорожников, пищевиков и т. д. Это вышло как-то само собой. Специальности мы имели самые разные. Большинство из нас работало, остальные, меньшинство, были домашние хозяйки.

Довольно много было членов партии, которые держались очень мужественно и поддерживали нас, как могли, старались ободрить. Объяснить все происходящее было невозможно.

Все мы получили вскоре приговоры: большинство, особенно «военные», 8 лет «спецлагерей». Меньшинство — 5 лет, и, единицы, — 3 года. Слово «спец» означало «без права переписки», но тогда мы этого еще не знали. Формулировки приговора были для всех одинаковы: «ЧСИР», член семьи изменника родины.

³⁸ Николай Николаевич Петин (02.05.1876–07.10.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник инженерного управления РККА. Расстрелян по ложному обвинению. Вторая супруга Н. Н. Петина — Янина Александровна Черноцкая (1895-?). Арестована по ложному обвинению и осуждена на восемь лет ИТЛ.

³⁹ Яков Моисеевич Фишман (11.04.1887–12.07.1961) — советский военный деятель, генерал-майор технических войск. Начальник военно-химического управления РККА. Репрессировался по ложному обвинению.

⁴⁰ Анатолий Ильич Геккер (25.08.1888–01.07.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник отдела внешних сношений Разведупра РККА. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Евгения Борисовна Ситковская. Арестована по ложному обвинению.

⁴¹ Мемуаристка ошибается. Иван Иванович Смолин (05.07.1895–20.09.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник Военно-инженерной академии РККА. Расстрелян по ложному обвинению.

⁴² Михаил Михайлович Ольшанский (11.1895–20.09.1937) — советский военный деятель, комдив. Заместитель начальника автобронетанкового управления РККА. Расстрелян по ложному обвинению.

Вызовы к следователю обычно происходили ночью, так что поспать нам удавалось урывками.

К 12 часам ночи открывались двери, входили коридорная и конвоир. Последний называл фамилию, вся камера в этот момент садилась. Вызванная называла свое имя и отчество и уходила с конвоиром. Некоторых еще совсем не вызывали, некоторых уже вызывали по одному разу. А некоторых вызывали уже несколько раз, и даже днем. Некоторые больше не возвращались обратно, и мы ничего о них больше не слышали. Но днем было не так страшно. Только в ночь с субботы на воскресенье мы спали относительно спокойно. Воскресенье — был выходной день у следователя, и вызовов почти не было. Остальные ночи были кошмарны. Вою ночь неслись крики со всех сторон. Особенно мне запомнился один крик, женского голоса, через небольшие промежутки времени, только одно олово: «Сталин!» И так два дня. Постепенно голос утихал, и, наконец, замолк.

Камера № 4 выбрала старосту, жену зам[естителя] главного прокурора СССР т. Крыленко⁴³, Пошукайнис Соню. Она была старым членом партии и очень хорошим человеком. Такая мягкая, спокойная. Постепенно мы все познакомились друг с другом, и страшная жизнь вошла в свою колею.

Обычно день начинался с «побудки», в 5 часов утра, входила коридорная и говорила: «Женщины, вставайте на оправку». Мы выходили в коридор, дежурные брали парашу, все выстраивались парами и отправлялись в туалет. После возвращения приносили хлеб, чай. Раздавалось также по 2 куска сахара на день. Многие из нас курили, и им очень тяжело было обходиться без табака. Ни свиданий, ни передач мы не имели, а «лавочку» нам разрешили много позже.

В одну из суббот «камеру» вызвали в баню. Староста назначила дежурными по уборке меня и Катюшу Лобову, жену Наркомлеса⁴⁴. Мы получили ведра и тряпки у коридорной и принялись за мытье. Быстро все сделав, мы сдали наши орудия производства и уселись рядом на

⁴³ Николай Васильевич Крыленко (02.05.1885–29.07.1938) — советский государственный деятель, народный комиссар юстиции СССР (1936–1938). Расстрелян по ложному обвинению.

⁴⁴ Семен Семенович Лобов (1888–30.10.1937) — советский государственный деятель, народный комиссар лесной промышленности СССР (1932–1936), народный комиссар пищевой промышленности РСФСР (1936–1937). Расстрелян по ложному обвинению.

нарах. Кругом была непривычная тишина. Конечно, начался разговор, все о том же.

Я рассказала, как был арестован мой муж. Я очень беспокоилась о своей девочке, которую оставила одну в квартире⁴⁵. Я, конечно, очень плакала, я часто плакала в тюрьме, слезы лились как-то сами собой.

Катюша не плакала. Она мне тоже рассказала, как после ухода мужа на работу раздался звонок. Она открыла входную дверь на цепочку и увидела несколько человек в штатском, которые начали рвать дверь и требовать, чтобы она открыла ее. Она позвонила в ГПУ⁴⁶ и сказала, что в квартиру ломятся неизвестные ей люди. В это время дверь с цепочки была сорвана, и «жизнь была кончена», — как сказала Катя. «Я ничего не понимаю и ничего объяснить не могу, но я комсомолка и жить больше не могу и не буду». Я спросила ее, как же она думает это сделать. «Путем голодовки», — ответила Катюша. Я робко сказала ей, что мой муж (когда-то был такой разговор, и я вспомнила о нем сейчас) считал голодовку в советской тюрьме антисоветским поступком. Катя сказала, что другого выхода она не видит. Позже, уже в лагере, к нам приехала «взятая» на границе жена торгпреда в Берлине Майя Фридрихсон⁴⁷. Она рассказала нам, что за границей, в печати, сообщили, что жена наркомлеса СССР умерла в Бутырках от голодовки.

В это время являлась камера⁴⁸, после бани «жены» заняли свои места на нарах, и началась обычная сушка выстиранных вещей: все замахали носовыми платками, трусами и т. д. и так до полного их высушивания.

Уже начало смеркаться, когда в камеру вошли две молодые женщины. Они оказались КВЖДинками⁴⁹. Мы знали о том, что всех, приехавших о востока, с КВЖД, арестовывали, причем мужчины ушли в неизвест-

⁴⁵ В это время я уже через Даниловский детский тюремный распределитель была направлена в детский дом в город Сердобск Саратовской обл. (Прим. Г. А. Лойчиковой (Вольпе)).

⁴⁶ Государственное политическое управление. В описываемый период — НКВД.

⁴⁷ Лев Христианович Фридрихсон (1889–26.11.1937) — советский государственный деятель, заместитель торгового представителя СССР в Германии (1932–1937), заместитель наркома внешней торговли СССР (с 16.04.1937). Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Фридрихсон (Ларионова) Майя Тимофеевна (1904–1976).

⁴⁸ Т. е. сокамерницы.

⁴⁹ КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога.

ность, а женщины скитаются по тюрмам и лагерям⁵⁰. Вновь пришедшие были лучше нас знакомы с обычаями и жизнью тюрьмы, и, прежде всего, их заинтересовало, установили ли мы связь с верхней камерой и соседними камерами. Они сейчас же сели к окну, спиной к нему, и вполголоса, ясно, начали задавать вопросы. Вскоре шум наверху постепенно стал затихать, начался разговор с верхней камерой. Нам было сообщено, что в камере очень много народу, сидят по очереди. Что все находящиеся в камере уже имеют приговоры и ждут этапа. Среди них большинство коммунистов и комсомольцев, много военных. Им рассказали, что все мы «жены». На допросах побывали уже многие, но приговоров еще не имеем. После всего этого начали называть фамилии. У нас оказалась жена инженера, находившегося наверху (не помню фамилии, но ее звали Рашель). Они долго разговаривали друг с другом.

Постепенно наступила ночь. Мы сидели очень тихо, прислушиваясь к тому, что делается наверху. Вот, очень слышно, поступило распоряжение строиться. Загremели котелки, застучали нары, зашумели шаги. Послышался голос: «Раша, родная, прощай!». Рашель лежала на нарах в невменяемом состоянии. Она не могла даже пошевелиться. Мы тормозили ее, уговаривали. Ведь, может быть, в последний раз она слышала голос своего мужа и могла ответить. Ничего не помогало. Она не могла пошевелиться.

Сверху неслось: «Прощайте, женщины, будьте мужественны, передайте на волю, что мы до конца остаемся коммунистами!». Постепенно этап выходил из камеры. Вдруг, наверху, сильный голос зашел: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед!». Песню подхватило несколько голосов, и потом весь этап зашел, и понеслась она над затихшей тюрьмой.

Невозможно передать наше душевное состояние и наши переживания: отчаяние, смятение и вдруг, появившаяся неизвестно откуда и почему, надежда. Объяснить появление этого проблеска надежды я не могла, так же, как не могла объяснить и понять всего происшедшего. А песня лилась, постепенно затихая: «И на Тихом океане свой закон-

---

⁵⁰ Речь идет о «харбинской» операции НКВД. Подробнее см.: *Потанова Н. А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб., 2020; *Прудовский С. Б.* Была такая «нация» — харбинцы. Харбинская операция НКВД в документах. СПб., 2022; «Спасская красавица». 14 лет в ГУЛАГе агронома Кузнецова. Сост. С. Б. Прудовский. М., 2019.

чили поход». Итак, коммунисты, осужденные коммунистами и конвоируемые коммунистами уходили в этап, в неизвестность, в конец, в ничто.

Приговор

Накануне моего ареста, вечером, в полуподвальную комнату на Садовой улице (после нашего выселения на Садовую, в квартире нашей поселился герой Гражданской войны, командующий округом, член суда над «военными преступниками» т. Каширин⁵¹, прожил он в ней недолго и тоже был арестован. После него в квартире поселили писателя Игнатъева (графа)⁵² с женой⁵³, и жили они в ней до самой смерти⁵⁴), пришли ко мне «на совет» Нина Смолина, Клава Аппога (жена начальника военного железнодорожного управления⁵⁵), Женя Ольшанская и, позже, пришла Лида Кангелари (муж — заместитель наркомздрава СССР, бывший комкор⁵⁶). Была с нами и Люда Чайковская, жена комкора⁵⁷, выселенная в кладовую, в ту же квартиру, куда была выселена и я.

Не зажигая огня, мы долго посидели и хорошо поговорили.

Говорили, конечно, всё о том же.

Нина Смолина рассказала нам, что, несмотря на все переживания, она только что сдала экзамены и закончила медицинститут.

⁵¹ Николай Дмитриевич Каширин (04.02.1888–14.06.1938) — советский военный деятель, командарм 2-го ранга. Начальник управления боевой подготовки РККА (с 1937). Расстрелян по ложному обвинению. В июне 1937 г. член Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу группы М. Н. Тухачевского.

⁵² Алексей Алексеевич Игнатъев (17.02.1877–20.11.1954) — граф, генерал-лейтенант, военный писатель. Переехал в СССР из Франции в 1937 г. Автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю», издававшихся в СССР массовыми тиражами.

⁵³ Супругой А. А. Игнатъева с 1918 г. была Наталья Владимировна Труханова (29.03.1885–25.08.1956), балерина.

⁵⁴ На доме установлена памятная доска А. А. Игнатъеву.

⁵⁵ Эрнест Фрицевич Аппога (1898–28.11.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник военных сообщений РККА. Расстрелян по ложному обвинению.

⁵⁶ Валентин Александрович Кангелари (30.06.1883–26.11.1937) — советский государственный деятель, корврач. 1-й заместитель наркома здравоохранения РСФСР, главный санитарный врач РСФСР. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Кангелари Лидия Евсеевна (1899–1982). Арестовывалась по ложным обвинениям (1937–1945, 1946–1954).

⁵⁷ Касьян Александрович Чайковский (02.1893–23.04.1938) — советский военный деятель, комкор. Заместитель начальника управления боевой подготовки РККА. Арестован по ложному обвинению, умер во время следствия.

Клава рассказала о своих девочках, и мы посоветовали ей увезти их в провинцию к родным и обеспечить там всем, чем можно.

Все мы были уверены в том, что нас вышлют так же, как уже выслали «процессниц» (жен, мужа которых были осуждены по процессу).

Между прочим, Лида Кангелари рассказала мне, со слов своего мужа, Валентина, об одном заседании ЦК, на котором буквально уничтожили морально наркомздрава СССР т. Каминского⁵⁸, заместителем которого он был. Валя не выдержал, встал и спросил: «Кому же вы верите? Может быть, вы и мне не верите?»

На это Сталин ему ответил: «Тебе, Кангелари, мы верим».

Но в ту же ночь Валя был взят.

Разошлись мы поздно.

Утром, в 6 часов, меня арестовали.

Одновременно со мной «взяли» и Люду Чайковскую, но везли ее в другой машине, так что встретились мы уже в камере.

На допрос меня вызвали только один раз, ночью, как и всегда.

Вызвали нас вместе с Ниной Смолиной.

Повели в другой корпус. Мы крепко взяли друг друга за руки, и, я помню, что-то шептали друг другу утешающее, подбадривали друг друга. Из открытых окон зданий, мимо которых мы проходили, неслись крики, ругань, а иногда и стоны.

Потом нас разъединили. Ниночку оставили на первом этаже, а меня повели на второй.

Следователь продержал меня часа три. Подробно расспросил о тех товарищах, которые у нас бывали, и предложил написать мою подробную автобиографию. Не грозил мне, не кричал на меня. К рассвету я была уже в камере. Нина вернулась гораздо позже. Ее тоже допрашивали без нажима, но допрашивали три следователя.

Прошло уже полтора месяца после нашего ареста, и нас стали «брать на приговора».

Накануне из камеры взяли троих, и с вещами: Шуру Егорову (муж — нач[альник] Кремлевской школы ВЦИК⁵⁹), Нину Потапову

⁵⁸ Григорий Наумович Каминский (20.10.1895–10.02.1938) — советский государственный деятель, народный комиссар здравоохранения СССР. Расстрелян по ложному обвинению.

⁵⁹ Николай Георгиевич Егоров (02.1893–03.07.1937) — советский военный деятель, комбриг. Начальник Объединенной военной школы имени ВЦИК. Расстрелян по ложному обвинению.

(муж — нач[альник] штаба акад[емии]⁶⁰) и Мару Петерсон (муж — комендант Кремля⁶¹).

И вот, назавтра, вызвали вдруг меня, и «с вещей», как говорили конвоиры.

Так страшно было уходить одной, передать не могу.

Конвоир привел меня в другое здание и ввел в маленькую комнату. Все стены и потолок этой комнаты были выложены кафелем. К одной из стен была приделана скамья. Эта комната в тюрьме называлась «собачником». Вскоре конвоир привел в комнату еще одну женщину, с приятным, но болезненным лицом. Войдя, она сказала мне: «Здравствуйте, давайте знакомиться, моя фамилия Поздеева». Я назвала себя. Она села рядом со мной на скамейку и спросила, в чем меня обвиняют. Я ответила, что пока еще ни в чем, вернее, я еще не знаю, в чем. «А, так вы, вероятно, “жена”», — сказала т. Поздеева. «Я слыхала в тюрьме, что начали брать жен и детей». Я не совсем поняла то, что она сказала, и спросила ее, в чем ее обвиняют. Т. Поздеева рассказала мне свою жизнь. И она, и ее муж — старые члены партии. Оба они оппозиционеры. В свое время были исключены из партии. Она была в партии восстановлена съездом, а муж ее был приговорен к бессрочному заключению в политизоляторе. Вначале ей разрешали посылать ему книги, газеты, журналы и продукты, вскоре переписку и посылки запретили, и больше она ничего о судьбе мужа не знает, у нее двое детей. Она договорилась со своей подругой о том, что если ее арестуют, то подруга возьмет детей к себе, и они официально от нее откажутся. Вскоре ее действительно арестовали и отправили на высылку в Туруханский край. Жилось ей там тяжело, потому что в деревне все ее боялись, и жила она в заброшенном сарае. Зарабатывала деньги тем, что убивала тушканчиков и сдавала шкурки в заготконтору. Она даже была рада своему новому аресту. Везли ее, как великую преступницу, в отдельном вагоне с тремя конвоирами. На допрос ее ни разу не вызывали и никаких обвинений не предъявляли. «Судя по всему, нас, вероятно, переводят во вну-

⁶⁰ Георгий Хрисанфович Потапов (03.1893–01.07.1937) — советский военный деятель, дивинженер. Заместитель начальника Военно-инженерной академии по научной и учебной работе. Расстрелян по ложному обвинению.

⁶¹ Рудольф Августович Петерсон (01.06.1897–21.08.1937) — комендант Кремля, дивинтендант. Расстрелян по ложному обвинению.

треннюю тюрьму НКВД», — сказала т. Поздеева. Все внутри у меня случилось, еще на воле я слышала об этой тюрьме.

Вдруг дверь открылась, вошедший конвоир назвал фамилию Поздеевой, она назвала в ответ свое имя и отчество и ушла с ним.

Пришла она минут через десять, очень взволнованная, и рассказала, что получила пять лет лагерей. В общем, она была не очень расстроена и сказала мне: «Ну, что ж, я буду в тепле, у меня будет своя койка, и я буду сыта, хотя бы относительно».

Снова отворилась дверь, и вызвали меня. В том же коридоре конвоир ввел меня в комнату. За столом, у окна, сидел человек с тремя шпалами в петлицах. Около меня стоял конвоир, а около окна — человек в белом халате. Полковник⁶² подал мне бумагу и сказал: «Прочтите и распишитесь». Я начала читать. Я очень волновалась, руки у меня дрожали, буквы прыгали перед глазами. Я прочла только фамилию и срок — 8 лет. Я решила, что мне предьявляют приговор моего мужа. «Как, — сказала я, — такому верному ленинцу, члену партии с февраля 1917 года, за что?!» Полковник сказал: «Да вы прочтите повнимательнее». И тут до меня, наконец, дошло. Это был мой приговор. Это я, как член семьи изменника Родины приговаривалась к 8 годам заключения в спецотделении Темниковского лагеря Горьковского края («спец» — означало: без права переписки, как я потом узнала).

«Вот и закончилась жизнь», — подумала я. Все внутри отупело, оцепенело как-то. Я расписалась, и мы вышли из комнаты. Из «собачника» вывели т. Поздееву, и обеих нас повели обратно, в тот корпус, в котором я сидела раньше в камере № 4.

Привели нас в соседнюю с 4-й камеру, почти пустую. Еще раньше, в 4-й камере, мы узнали, что наш корпус переделан из тюремной церкви на 4 камеры, и один туалет для всех 4-х камер. Мы договорились о том, что если кого-нибудь из нас переведут в другую камеру этого же корпуса, то сообщать друг другу о себе: писать около трубы в туалете, если лагерь, то «-» и срок, а если воля, то «о». В тот же вечер я написала около трубы «-8».

Позже я узнала, что мой приговор взбудоражил камеру. Ведь самый большой срок после «высшей меры» был 10 лет. Ведь все еще бы-

⁶² Мемуаристка ошибается в определении звания сотрудника НКВД, путая их с армейскими — три прямоугольника («шпалы») в петлицах полагались капитану госбезопасности (в РККА такие знаки различия действительно полагались полковникам).

ли уверены, что нельзя без вины быть осужденной, и хотя некоторые «жены» знали меня с 1921 г., никто не мог понять, за что можно было получить 8 лет заключения.

В одной из первых групп, приведенных в новую камеру после приговора, была жена инженера, сидевшая со мной в 4-й камере. Раньше она с нами не разговаривала, на вопросы не отвечала, отворачивалась, и все. Войдя к нам после приговора, она кинулась ко мне, пожимала руки, все что-то говорила и говорила. Мне было как-то неловко, и я спросила ее, чем же, все-таки, раньше было вызвано такое странное ее поведение. Она сказала мне, что считала нас всех бесспорно виновными в чем-то. Она знала только, что она-то ни в чем не виновата, и поэтому общаться с нами не могла. Получив стандартные свои 8 лет как ЧСИР, она поняла, что и мы, вероятно, ни в чем не виноваты.

Я не спала всю ночь после приговора. Мыслей в голове не было. Растерянность и боль.

Наконец рассвело, начался обычный тюремный день.

После приговора

В первые дни в нашей камере было непривычно просторно. Вся середина ее была пустой. Целый день мы могли гулять по камере от стены до стены.

Постепенно стали приводить партии «жен» после приговора.

В одну из первых ночей привели группу, в которой была Ольга Постникова-Третьякова⁶³, с которой мы встречались у моей подружки Раи Венцовой. Муж Оли был зам[естителем] наркома жел[езно]-дор[ожного] транспорта⁶⁴. Я знала, что бедная Ольга тяжело больна, у нее был рак лимфатических желез. Еще на воле я слыхала, что она перенесла тяжелую операцию. Мы с ней тепло встретились и проговорили всю ночь.

Она мне рассказала о том, что муж взял ее из госпиталя под расписку за неделю до их ареста. Он рассказал ей о том, что «берут» людей по сведениям, получаемым из французской разведки, но он совершен-

⁶³ Ольга Владимировна Постникова-Третьякова (1900–?) — супруга А. М. Постникова. Арестована по ложному обвинению. Умерла в лагере.

⁶⁴ Александр Михайлович Постников (21.10.1886–26.11.1937) — советский военный и хозяйственный деятель заместитель наркома путей сообщения СССР. Расстрелян по ложному обвинению.

но уверен в том, что дает эти сведения немецкая разведка, через французскую. «Все происходящее — страшная провокация», — сказала мне Оля. Арестовали их на даче. Все кругом оцеплено было людьми и собаками, все залито было ярким светом фонарей.

Вскоре меня перевели в Ч. Б., Часовую башню, знаменитую тем, что в ней сидел Пугачев, а позже — Вера Фигнер⁶⁵. Теперь в ней сидели «жены» перед очередным этапом в лагерь.

Однажды, тоже ночью, привели довольно большую группу «жен». Впереди шла необыкновенная пара. Молодая девушка, коротко, по-мужски, подстриженная, одетая в старый красноармейский костюм. Веки ее больших глаз были ярко намазаны зеленой, звали ее Фирой. Другая в этой паре была молодая, высокая, стройная блондинка, с вьющимися пепельными волосами. Одета она была в голубую пижаму, на ногах — серебряные туфли с высокими каблуками. Звали ее Мэри. Она плакала и даже как бы причитала. Вошедшие с ней уговаривали ее, утешали, говорили что-то в таком роде: «Не плачь, Мэри, не ты одна».

Войдя в нашу камеру, она почему-то подошла именно ко мне и спросила: «А вам тоже 8?» Я ответила, что не являюсь исключением, и мне тоже 8. Она вдруг заулыбалась и сказала: «Ну, слава богу, не одной мне, всем по 8».

Мэри была женой кинорежиссера. Попала она потом в наш лагерь и работала в прачечной. Такая она была славная, какая-то наивная и добрая. Кто-то прозвал ее Пышка, так и звали ее все — Мэри-Пышка. Она рассказала нам историю первых дней тюрьмы. Привезли ее, когда было совсем темно. Наша Мэри считала, что ее сейчас же расстреляют. Вел ее конвоир по тюремному двору, и, как всегда, стучал ключом от дверей по металлической пряжке на поясе, предупреждая встречных конвоиров. Вдруг он сказал Мэри: «Встаньте лицом к стене». «Всё», — подумала Мэри и повернулась спиной к дорожке. Лихорадочно стала она вспоминать слова молитвы. «Богородица, де-

⁶⁵ Мемуаристка ошибается. Предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. Е. И. Пугачев содержался не в Часовой, а в Пугачевской (Южной) башне Бутырской тюрьмы. Известная революционерка В. Н. Фигнер находилась под арестом в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. В Бутырской тюрьме Фигнер просидела несколько дней в 1876 г. (выражаю благодарность за консультацию к. и. н. Г. С. Кану).

ва, радуйся», — это все, что она вспомнила в волнении. Вдруг она поняла, что к настоящему моменту это совершенно не подходило. Чему уж тут могла радоваться богородица! Тогда Мэри зашептала: «Господи, спаси, Господи, прости», — и начала мелко крестить грудь. За собой она почувствовала движение, как будто кто-то прошел мимо, и конвоир предложил ей идти дальше.

Они подошли к какому-то зданию и вошли в полуподвальное помещение. Женщина в белом халате сунула в руку Мэри что-то, завернутое в газету и предложила ей войти в маленькую комнатку. В середине ее пол немного опускался, как будто для стока чего-то, к стене была прикреплена скамейка. Мэри решила, что в этой комнате ее убьют, а сток посредине — для крови. Она стояла, вся дрожа, судорожно сжимаемая в руках бумажонку, которую ей дала коридорная.

Вдруг, невозможно передать ее радости, прямо на голову грянул сильный душ. Она поняла, что была в душевой. Когда коридорная открыла дверь, Мэри мокрая, но счастливая, вышла из душевой, и, разжав руку, увидела на ладони скользкие остатки мыла, которым она должна была помыться. Она не помылась, но вернулась к жизни.

Вспоминается еще один любопытный инцидент. Однажды утром в коридоре раздались шум, крики и мат. Открылась дверь, и конвоир втолкнул в камеру молодую девушку, худенькую, довольно приятной наружности. Усевшись на пол, она постепенно успокоилась и начала нас расспрашивать, кто мы, за что сидим. Кто-то объяснил ей наше положение и сообщил о приговорах. Розка, так ее звали, вскочила и начала выкрикивать: «Это что же! Без вины арестовали, без вины получили сроки, сидите, молчите?! Да наши бы воры все окна разнесли, нары побили, голодовку бы объявили! Клопы вы, а не люди! Забились в нары и сидите, молчите! Я, честная советская воровка, с дурами трусливыми сидеть не желаю!» «А-А-А-А», — заорала она диким голосом и начала буквально кидаться на дверь. «Начальника давай! Давай сюда начальника тюрьмы!!!»

Вскоре открылась дверь, и появился военный с двумя ромбами в петлицах и орденом Красного Знамени на груди, в сопровождении двух конвоиров. Это был Попов, начальник Бутырской тюрьмы⁶⁶.

⁶⁶ Михаил Викторович Попов (1889–?) — капитан госбезопасности, начальник Бутырской тюрьмы. Как капитан госбезопасности М. В. Попов должен был иметь не

Розка выкрикнула ему все, что думала о нас, и потребовала, чтобы ее немедленно отсюда убрали. Конвоиры утащили Розку, а мы попытались поговорить с Поповым о свидании с родными, о передачах. Но он отделался от нас стереотипной фразой: «Приедете в лагерь, там все будет». Попов ушел, и мы опять остались со своими страшными чувствами и мыслями.

С очередным этапом отправили меня в Темниковский лагерь. Перед отправкой нас вызывали по фамилии, зачитывали приговор, заново все проверяли. Потом выстроили парами и повели через двор тюрьмы к воротам.

У нас в камере сидела Жукова Клава, жена комдива⁶⁷. Арестована она была на даче и пришла в тюрьму с большим узлом, завязанным почему-то в пикейное одеяло. При отправке на этап, она вновь сложила и завязала вещи: получился большой, тяжелый и очень неудобный тюк. Взялись мы за него втроем, Клава, я и Женя Геккер. В середине двора тюк развязался, и вещи развалились в разные стороны. Это событие остановило идущие сзади нас пары и как-то отвлекло нас от всего происходящего. В памяти моей остался развалившийся узел, да шеренги НКВДистов, стоявших шпалерами вдоль нашего пути. Вероятно, им было любопытно посмотреть на нас, ведь это был первый этап «жен».

Погрузили нас в черные вороны⁶⁸ и повезли на Казанский вокзал. Машины были набиты до отказа. Я стояла, держась за стоящих рядом. Рядом со мной стояла Матильда Алафузо, жена крупного военного специалиста⁶⁹. Мы крепко держались друг за друга и тихонько переговаривались.

В дверях машины было маленькое окошечко с решеткой, видны были кусочки города. Мы узнавали места, по которым проезжали. Доносился шум на улицах, голоса людей.

два ромба, а три прямоугольника («шпалы») в петлицах. Два ромба полагались старшим майорам госбезопасности.

⁶⁷ Возможно, речь идет о Жуковском (Жукасе) Иване Петровиче (01.1896–14.07.1937) — бригадире, начальнике управления военно-проектных работ Строительно-квартирного управления РККА. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Клавдия Петровна, в девичестве Машкова (1898–1951). Арестована по ложному обвинению (1937–1945). Отбывала заключение в Потьминском ИТЛ.

⁶⁸ «Черными воронками» именовались легковые автомобили ГАЗ М-1, а также грузовые ГАЗ-АА и ЗИС-5, на которых сотрудники НКВД перевозили арестованных.

⁶⁹ Михаил Иванович Алафузо (01.02.1891–13.07.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник кафедры организации и мобилизации Академии Генерального штаба РККА. Расстрелян по ложному обвинению.

Выгрузили нас на дальних путях Казанского вокзала и погрузили в стоальпинские вагоны, полки были сплошные, а купе были отгорожены от коридора сплошной решеткой.

Через пару дней загрузили весь эшелон и отправили к месту назначения. Ехали мы два дня. Я попала на нижнюю полку, по возрасту, мне было 36 лет. На верхней ехали «жены» помоложе, в то время начальство, особенно военное, было значительно моложе.

Надо мной, свесив ноги, сидела Леночка Ромашева, жена одного из командиров школы ВЦИК, очаровательная, остроумная и совсем молодая. Она «философствовала» в таком духе: «Хорошо, мне дали за мужа 8 лет, но он у меня второй, значит, мой первый муж тоже будет арестован и осужден за меня. Но он уже успел жениться, значит, его жену постигнет моя участь. А я у мужа — вторая жена, значит, его первая жена тоже будет взята. Но и она развелась для того, чтобы выйти за него замуж. Значит, ее первый муж тоже будет взят. И так до бесконечности?»

Дорогой нам давали по 400 гр[амм] хлеба в день и по одной вобле. Воду приносили в ведрах, по требованию.

И вот — отгороженный высоким забором, с четырьмя вышками по углам — лагерь.

Много позже, с очередным этапом приехала на наш лагпункт и Ольга Постникова. Конечно, с приговором 8 лет. Она очень изменилась с тех пор, как мы расстались: худая, бледная, начала таять прямо на глазах. Вскоре ее положили в стационар. Начались у нее головные боли, очень сильные, пришлось даже снять ей волосы. Потом она оглохла, потом ослепла.

Время шло. Наступила весна. Иногда, после смены, я приходила к стационару и садилась на завалинку, около окна палаты, где лежала Оля.

Мы все очень жалели ее.

Надюша Шандуро — она сидела за мужа, сотрудника НКВД — рассказала мне о том, что Оля все время просит одеть на нее рубашку, в которой погиб ее муж. В том, что он погиб, она была совершенно уверена, и до последнего дыхания своего просила одеть на нее рубашку, в которой он умер.

И вот, в одну из апрельских ночей в цехе, перед концом смены, мне сказали, что Ольга умерла, отмучилась.

После смены я пошла, посидела у окошка ее палаты. Был апрель. За зоной пели соловьи. Я вспоминала ее такой, какой встречала в жизни, молодой, интересной, очень любимой мужем, счастливой.

Вскоре открылись ворота лагпункта и въехала телега, влекомая быком. На телеге был большой ящик — гроб. Взяли возчик Ольгу на другие трупы и увез за зону.

Вот, на каком катафалке уехала Оля в свой последний путь.

А мы, мысленно прощаясь с Олей, думали, кто следующий?

Лагерь

Итак, после пятидневного, в целом, пути наш поезд прибыл в Темниковский лагерь Горьковского края, в конце августа 1937 г.

Был замечательный осенний день. Узкоколейка железной дороги проходила недалеко от высокого забора лагпункта. Вдали виднелись перелески и рощицы всех тонов и оттенков осени.

Этап выгрузили из вагонов, построили парами, и мы вошли в зону лагеря. Большинство из нас заходили в эти ворота на 8 лет, немногие — на пять, а некоторые — навсегда. Только очень немногие вышли раньше срока — незадолго до окончания его были актированы по инвалидности.

Нас ввели в небольшой барак у ворот, и начался долгий, унижительный обыск, который проводила лагерный врач Болтянская. После обыска нас, опять парами, повели в барак № 2.

Барак № 1 был заполнен этапом «жен», прибывших за две недели до нас. Лагерный пункт представлял собой довольно большой участок земли с четырьмя вышками для часовых по углам. Вокруг забора была натянута проволока, к которой на ночь прикреплялись собаки. На участке было расположено 6 жилых барачков, барачковая, банно-прачечный барачок и стационар, небольшие здания кипятильника, дез- [инфекционной] камеры, карцера и 6 больших уборных.

Наша лагерная поэтесса, премьерша театра им. Станиславского, Вера Модестова (Станиславский⁷⁰ прислал ей в лагерь свою фотографию с очень трогательной надписью) так написала о нашем лагере и о нас, перефразируя известную песенку:

Знаю я одно прелестное местечко,
6 барачков, 6 уборных, лес и речка.
«Жены» лечат там невроз,
На обед дают овес,

⁷⁰ Константин Сергеевич Станиславский (05.1.1863–07.08.1938) — театральный режиссер, народный артист СССР.

Если жены голодны, то сажают им цветы (был такой случай).
Проверяют и считают ежедневно,
Жизнь проходит очень тяжело и плачевно.
Кому — 8, кому — 5, а за что — нельзя понять.
То не лагерь, не тюрьма,
То проклятая Потьма (название ж/д станции).

Все бараки лагеря соединялись дощатыми тротуарами. В первые дни около каждого входа стоял часовой, но через несколько дней они были сняты.

Всего в лагере нас было около 1 500 человек с приговорами ЧСИР⁷¹. Исключение составляли несколько человек, имевших приговоры КРД (контрреволюционная деятельность). Это были те же «жены», но выделявшиеся из общей массы своим «агрессивным поведением», т. е. возмущавшиеся, требовавшие и получившие в наказание за это свое личное дело.

Барак № 2 как раз почти и вместил наш этап — 150 человек.

После бани, устройства, началось распределение мест. Мне, теперь более молодой, так как среди нас оказалось много старушек, членов «Общества бывших каторжан и ссыльнопоселенцев», досталось место на 2 этаже нар.

Подушки и матрацы уже были набиты соломой, «жены» из первого барака приготовили нам постели. Мы, опять парами, под наблюдением часовых, «проследовали» в столовую на обед.

Вечером нам разрешили свободное хождение по лагерю, и мы встретились с жительницами барака № 1. Так встретила я со своей приятельницей, Наташей Путна. Муж Наташи, Витовт⁷², необычайно интересный человек, был большим другом моего мужа. Он был героем Гражданской войны. В последнее время Путна был военным атташе в Англии. Они были вызваны в СССР и взяты на вокзале. Витовт прошел по военному процессу и был расстрелян сразу.

⁷¹ Член семьи изменника родины.

⁷² Витовт Казимирович Путна (31.03.1893–12.06.1937) — советский военный деятель, комкор. Военный атташе в Великобритании. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Наталья Павловна (1893–?). Арестована по ложному обвинению и осуждена на восемь лет лагерей.

Встреча с Наташей для меня особенно тяжела была потому, что я была арестована позже нее и знала, что дочь Наташи, Нина, после ареста матери, видимо, в состоянии шока, не впустила в квартиру брата, Алика. Мальчик переночевал у лифтерши и на завтра сам пришел в НКВД. Сказать об этом Наташе у меня не поворачивался язык. Кроме того, еще в тюрьме со мной произошел такой случай. В одной камере со мной сидела моя приятельница, Нина Петина. Муж Нины, Н. Н. Петин, был нач[альником] военно-инж[енерного] упр[авления] РККА. Их сын, Лева⁷³, дружил с нашей Галочкой. В тюрьме Нине было тяжелее, чем нам. Ее вызывали часто и как-то неожиданно: то вдруг из бани, то ночью, то днем. Все время она была в ожидании и напряжении. Что-то ее заставляли подписать. «Что делать? Что делать?» — все время спрашивала она. «Если не подпишешь, грозят арестовать Леву (как мы узнали позже, он к тому времени был уже арестован), если подпишешь, будет хуже Коле (мужу)». Я, конечно, как могла, ее утешала, но подписывать что бы то ни было не советовала. Однажды Нина пришла с очередного вызова и сказала мне: «Галя, я сказала следователю, что ты не советуешь мне ничего подписывать, но я не хочу ареста Левы и поэтому все подписала».

Мне стало страшно. В то время брали по анонимному доносу, и малейшего повода было достаточно, чтобы создать личное дело. Я стала ждать ухудшения своего положения. Не знаю, почему, но эта история прошла незаметно, и волнение мое было напрасным. После этого я твердо решила все-таки держаться подальше от бывших приятельниц по воле и не давать никаких советов, и вообще — быть осторожнее.

Утром барак решил выбрать старосту и помощника старосты. Судили, рядили и выбрали меня старостой, а Женю Геккер моей помощницей. Ее сын и дочь, как мы узнали позже, были арестованы и получили сроки.

Первое время два-три раза в день происходили проверки барака. Дежурный комендант со списком живущих в бараке шел следом за старостой, которая несла лампу. Комендант называл номер нар, а занимающая их называла свое имя, отчество и фамилию полностью.

---

⁷³ Лев Николаевич Петин (1919–09.12.1937) — сын комкора Н. Н. Петина. Расстрелян по ложному обвинению. Вместе с ним был расстрелян и другой сын Н. Н. Петина — Н. Н. Петин (младший) (23.06.1906–09.12.1937).

Через несколько дней к нам в барак зашел начальник лагпункта, гражданин начальник Маслов, в форме НКВД и в чине капитана. Барак выстроился по команде вошедшего с ним коменданта, я представилась сама и представила Женю. Гражданин начальник сказал: «Выбранные? Ну, что ж, посмотрим» (позже мы узнали, что старост в лагерях не выбирают, а назначают).

Сразу же после нашего приезда первый барак передал нам подписку на газету «Правда» на август месяц. Кроме того, мы стали получать на барак ежедневно свежую газету. Конечно, мы прочитывали все вслух, от корки до корки, ведь это была единственная весточка с воли, ни переписки, ни радио мы не имели.

Чаще всего читала Роза Гутман-Фонарева. У нее была хорошая дикция и красивый голос. С Розочкой я встречалась еще на воле. Дядя Розы, А. Гутман, комбриг⁷⁴, был другом моего мужа и часто у нас бывал. Роза была членом партии и работала в кожевенном производстве.

Начали мы читать все сначала. Перед нами проходила жизнь страны со времени нашего из нее ухода. Много писали о «врагах» и «изменниках». Я никогда не забуду лица Раи З. (Залесской?⁷⁵). Муж ее был председателем Коминтерна, героем Гражданской войны, красным партизаном СССР⁷⁶. Рая стояла, прислонившись к печке, и вдруг лицо ее стало белым и слилось с цветом печи: муж ее объявлен был «изменником Родины» и расстрелян.

Измученные, издерганные, насильно вырванные из жизни и оторванные от детей, разных возрастов, воспитания, жизни и быта, мы старались оставаться людьми. И даже в этом нам с Женей было тяжелее других. Ежегодно приходилось нам на одеяле таскать кого-нибудь в стационар: обострились сразу все болезни. Особенно тяжело было бедным старухам, женам каторжан и поселенцев. Вставали мы с Женей до общего подъема, т. е. до 5 часов утра и бежали с носилками получать в столовой хлеб. Приносили его в барак и по спискам раскладывали буханки на тумбочки около нар. Днем — ни минуты покоя: разрешение всевозможных конфликтов, ответ за все и перед всеми.

⁷⁴ Давид Аронович Гутман (Дмитрий Аркадьевич Шмидт) (19.12.1896–19.06.1937) — советский военный деятель, комдив. Командующий 8-й отдельной механизированной бригадой. Расстрелян по ложному обвинению.

⁷⁵ Так в документе.

⁷⁶ Личность не установлена.

Через несколько дней барак решил потребовать вызвать прокурора. Я передала гражданину начальнику через старшего коменданта, что прошу его принять меня. Пришла к назначенному времени и заявила о нашем требовании. Гражданин начальник сказал мне, что требовать мы ничего не имеем права, но, учтя нашу просьбу, прокурора он нам вызовет. Предупредил, что все обращения к прокурору будут приниматься только через меня и говорить он будет только со мной. В случае истерик или истерических выкриков, я немедленно иду в карцер. Чтобы я довела все это до сведения барака.

Весь вечер барак был занят обсуждением вопросов, которые мы должны были задать прокурору. Решили быть предельно краткими.

И вот, назавтра днем, начальство явилось в барак.

Прокурор был невысокого роста молодой человек, лет 25-ти, совершенно неприметной наружности.

Пришли они с гражданином начальником оба выпившие, видно, после хорошего обеда.

Барак выстроился, и я начала читать вопросы.

Вопрос 1. Где наши дети?

Прокурор: Государство не доверяет вам воспитание ваших детей. Оно само будет их воспитывать.

Вопрос 2. Где наши мужья, что с ними?

Прокурор: Ваши мужья — изменники и предатели Родины. Вы никогда их больше не увидите.

Вопрос 3. Когда нам будет разрешена переписка?

Прокурор: Некоторым довольно скоро, некоторым — нескоро, а некоторым — никогда.

Большинство «жен» потихоньку плакали. Вдруг Нина (фамилии не помню, жена инженера), молодая, хорошенькая, громко сказала: «Все происходящее — хуже фашизма!» Маша Толмачева (муж — сотрудник арт[иллерийского] упр[авления])⁷⁷ тоже бросила какую-то едкую реплику.

Но начальство, как видно, было в благодушном настроении. Повернулось и молча вышло из барака.

---

⁷⁷ Александр Николаевич Толмачев (1889–04.06.1937) — помощник начальника отдела артиллерийской базы артиллерийского управления РККА. Арестован по ложному обвинению, умер во время следствия.

Назавтра, на поверке, комендант объявил, что Маша Толмачева, Наташа Путна и Яда Паукер (муж — нач[альник] оперативного отдела НКВД⁷⁸) назначаются на работу в прачечную.

Мы с Женей недолго были старостами. Как-то комендант встретил меня и спросил: «Вольпе, что это вы все от нас скрываете?» Я была поражена и сказала ему, что рассказывать мне нечего. Все здесь советские люди. А рассказывать о недоразумениях по поводу мест и зубных щеток считаю ниже своего достоинства.

Вскоре, на поверке, комендант объявил о снятии меня и Жени и назначении старостой Червяковой (муж ее был секретарем Белорусского обкома партии⁷⁹).

Мы с Женей вздохнули свободней.

Первое мая

Прошло около двух лет с момента нашего прибытия в лагерь.

Все мы уже работали в вышивальном производстве⁸⁰, которое было создано на нашем лагпункте. Ничто в нашей жизни не изменилось, ни переписки, ни радио мы не имели, и ничего о наших родных не знали.

Сменился начальник лагпункта, вместо гражданина начальника Маслова был назначен гражданин начальник Шапочкин⁸¹. В лагере по-прежнему царил все тот же строжайший режим.

Приближалось 1 мая 1939 года, второе 1 мая в лагере. В конце апреля нам объявили о том, что нам будет привезено радио, и в праздники нам разрешается самодеятельный концерт. Что это значило для нас!

⁷⁸ Карл Викторович Паукер (12.01.1893–14.08.1937) — комиссар государственной безопасности 2-го ранга. Начальник отдела охраны членов правительства Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Соучастник массовых репрессий. Расстрелян по ложному обвинению. Не реабилитирован.

⁷⁹ Александр Григорьевич Червяков (25.02.1892–16.06.1937) — партийный и государственный деятель. Председатель ЦИК Белорусской ССР (1920–1937). Покончил с собой после резкой критики на партийном съезде.

⁸⁰ Мама прекрасно вышивала. Она предложила и помогла организовать на лагпункте вышивальное производство, во время войны лагпункт шил солдатские шинели. «Жены» работали так самоотверженно, что им даже увеличили норму хлеба (*Прим. Г. А. Лойчиковой (Вольпе)*).

⁸¹ Иван Ефимович Шапочкин — капитан государственной безопасности, начальник спецотделения и помощник начальника Темниковского ИТА (с 05.01.1938).

Вечером почти все мы собрались в самом большом бараке. Яблоку, как говорится, негде было упасть. Вера Модестова, любимица Станиславского, взобралась на стол и спела нам несколько романсов. Хотя аккомпанемента не было, впечатление было огромное, и ей пришлось бисировать безжалостно.

Назавтра выступила артистка Малого театра Маша Переслени⁸². Мы встречались с ней на воле и бывали друг у друга. Ее муж, Саня Гродзянский⁸³, был начальником хоз[яйственного] отдела МВО (Московского военного округа), а мой муж в это время был начальником штаба МВО⁸⁴. Позже, уже перед выходом из лагеря, Маша приехала ко мне на другой лагпункт и предложила после освобождения устраиваться вместе. Ей предложили на выбор режиссуру и амплу героини в местном областном театре. Маша была очень талантливая актриса. Я видела ее в нескольких ролях. Она играла в очередь⁸⁵ с нар[одной] арт[исткой] Пашенной⁸⁶. Она очень много читала нам в лагере и в тюрьме. Блока, Пушкина.

Большая площадь между бараками была до краев заполнена «женами». На крыльце, на возвышении, Маша сыграла нам «На бойком месте» Островского. Играла все роли, талантливо, темпераментно.

После выступления Маши в середине площади был очищен круг, откуда-то достали пустую бочку. Стройная немолодая грузинка стала отбивать ритм мелодии, и в круг вдруг внеслась Катюша Периди (?⁸⁷, молодая, очаровательная. Наши грузинки стали подпевать, и понеслась лезгинка, а мы все захлопали в такт в ладоши. Так торжественный день и закончился. Наступил вечер этого незабвенного, необычайно первого мая.

Прошла поверка, прозвучал отбой ко сну. Постепенно все стихло. Дежурные привернули лампы в бараках. Мне не хотелось еще ложиться, настроение было приподнятое. Я решила пойти к своей подруж-

⁸² Мария Алексеевна Переслени (1902–1945) — актриса Малого театра.

⁸³ Александр Гродзянский — начальник хозяйственного отдела Московского военного округа.

⁸⁴ А. М. Вольпе был начальником штаба Московского военного округа в период 05.1933–03.1935.

⁸⁵ Т. е., видимо, по очереди.

⁸⁶ Вера Николаевна Пашенная (07.09.1887–28.10.1962) — народная артистка СССР.

⁸⁷ Так в документе.

ке, Полине Урицкой, и предложить ей перекурить перед сном. Поля, по специальности врач, была женой товарища моего мужа, Семёна Урицкого⁸⁸, начальника Разведупра РККА. Сама она была членом партии с 1919 г. Их дочь, Леночка, была арестована вместе с ней и выслана в Таджикистан. Когда разрешили переписку, она писала матери очень нежные письма, и мы с Полей усаживались где-нибудь на завалинку и, рыдая, перечитывали их. Леночке посылала посылки семья писателя Лавренёва⁸⁹, с которой дружили Поля и Семен.

Ночь была чудесная. Теплая, синяя, тихая необыкновенно. Только я собралась пересечь площадь к другому бараку, как вдруг грянул, ворвался в ночь, танец Брамса. Я упала на завалинку барака. У меня было такое впечатление, что я была сбита с ног силой этих неожиданных звуков. Я захлебнулась от рыданий. Музыка вдруг замолчала, и я постепенно успокоилась, вспомнила, что днем к столбу посредине площади была прикреплена тарелка радио. Очевидно, кто-то пробовал ее работу, включил — и сразу выключил.

Я кое-как доплелась до Полины. Мы долго сидели на песочной курилке, посреди площади. Говорили и говорили, вспоминали и рассказывали. Коменданты в эту ночь не ходили по территории, не проверяли и не загоняли в бараки.

РГВА. Ф. 40 874. Оп. 21. Д. 6. Л. 36–65. Авторизованная машинопись.

---

⁸⁸ Семён Петрович Урицкий (02.03.1895–01.08.1938) — советский военный деятель, комкор. Начальник разведуправления РККА. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Полина Арнольдовна Урицкая. Арестована по ложному обвинению.

⁸⁹ Борис Андреевич Лавренёв (04.07.1891–07.01.1959) — писатель, поэт и драматург.